

А.В. Громова

ОБРАЗ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА И М.В. НЕСТЕРОВА

Рассматривается образ русского святого Преподобного Сергия Радонежского в творчестве писателя Б.К. Зайцева и художника М.В. Нестерова.

Ключевые слова: Преподобный Сергий Радонежский, Б.К. Зайцев, М.В. Нестеров, неореализм, образ.

творчестве двух современников: художника М.В. Нестерова и писателя Б.К. Зайцева – много общего. Их эстетические вкусы оформились в эпоху конца XIX – начала XX веков, когда традиционный реализм испытывал влияние модернизма, приобретал новые качества и вылился в особое течение – неореализм. Неореализму было присуще стремление реалистическими средствами выразить невыразимое – тончайшие духовные переживания, что обусловило тяготение к использованию импрессионистических средств, символики. И М.В. Нестеров и Б.К. Зайцев испытывали повышенный интерес к легендарным и евангельским сюжетам, к образам русских монахов и святых; оба художника в своем творчестве стремились исследовать национальный характер, русскую душу, изобразить «Святую Русь». Особое место в их наследии принадлежит образу русского святого XIV века – Преподобного Сергия Радонежского, причем в приемах создания облика Сергия художники также обнаруживают общие черты.

Образ Сергия Радонежского как народного святого, воплотившего лучшие качества национального характера, был близок М.В. Нестерову. Посвященные Сергию картины в совокупности образуют своеобразное «жизнеописание», поскольку на разных этапах своего творчества художник изобразил различные эпизоды из жизни святого. Это произведения «Видение отроку Варфоломею» (1889–1890), «Юность Сергия

Радонежского» (1891), «Сергий с медведем», «Труды преподобного Сергия» (1896–1897), «Прощание Дмитрия Донского с преподобным Сергием», «Дозор». В воспроизведении фрагментов жизни святого художник следовал легендам, записанным и сохранившимся в рукописной литературе.

«Видение отроку Варфоломею» М.В. Нестеров считал своим лучшим произведением, наиболее полно и совершенно выразившим его художественный идеал. В этой картине художник одновременно ориентировался на классические традиции русского искусства (в том числе – традиции древнерусской иконописи и фресковой живописи) и достижения современных французских художников, например, Пюви де Шаванна. Житийный сюжет, содержащий элементы мистики, у М.В. Нестерова решен в духе неореализма: можно истолковать встречу отрока со старцем как реальный факт, но можно воспринимать ее как «видение». Последнему истолкованию соответствует композиционное решение: старец стоит по отношению к Варфоломею так, как будто он не пришел к дубу, как пришел мальчик по лугу, а отделился от темного ствола большого дерева и внезапно предстал пред отроком.

В этой и других картинах, изображающих Сергия, важную роль играет пейзаж, особенно светло-зеленый цвет, не только передающий неяркий, нежный колорит среднерусской природы, но и несущий символическую нагрузку, воссоздающий атмосферу духовного спокойствия и умиротворенности. Заметим, что в художественном мире Б.К. Зайцева – признанного мастера живописи словом – светло-зеленый цвет чаще всего сопровождает описание церквей и также связан с молитвенно-созерцательным настроением.

В «Трудах преподобного Сергия» (1896–1897) показана другая ипостась святого – его безмерное смиренное трудолюбие. Раскрыта в картинах М.В. Нестерова и государственная сущность подвига Сергия, благословившего Дмитрия Донского на решающую битву с ордой. В серии своих полотен художник создал многогранный образ русского святого: скромного, трудолюбивого, человеческого, подлинного патриота своей родины.

Такая трактовка образа Сергия Радонежского близка Б.К. Зайцеву, воссоздавшему облик Преподобного средствами словесного творчества.

Вступивший в литературу в начале XX века и испытавший на себе влияние новых, модернистских, течений, Зайцев изменил свой взгляд на мир и искусство под воздействием революционных потрясений. Он писал, что революция неожиданным образом вызвала в его душе религиозный подъем, поскольку «хаосу, крови и безобразию противостоит гармония и свет Евангелия, Церкви» (4, 589). С этого времени Б.К. Зайцев постоянно возвращался в своем творчестве к образу Святой Руси.

В отличие от М.В. Нестерова, продолжавшего жить и работать в советской России, Б.К. Зайцев в 1922 г. оказался в эмиграции. Но годы оторванности от родины, по признанию писателя, оказались годами особенно тесной с ней связи в творчестве: «Заничтожными исключениями все написанное здесь мною выросло из России, лишь Россией и дышит» (4, 590). Здесь Зайцев создал житие «Преподобный Сергий

Радонежский» (1925), художественные биографии русских писателей: «Жизнь Тургенева» (1932), «Жуковский» (1951), «Чехов» (1954), автобиографическую тетралогию «Путешествие Глеба», мемуарные книги «Москва» (1939) и «Далекое» (1965).

Особое место в наследии писателя занимает жизнеописание Сергия Радонежского. В русском зарубежье не один Б.К. Зайцев писал в жанре художественной биографии. Обращение к образам русских писателей и святых было вызвано стремлением эмиграции сохранить русскую культуру в изгнании и живее почувствовать свою кровную связь с ней.

В 1920-е годы парижское издательство YMKA-Press издавало серию книг, представляющих современную интерпретацию житий русских святых и церковных деятелей. В этой серии и появилась книга Б.К. Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский», а также книги В.И. Ильина о Серафиме Саровском, Н.А. Клепинина об Александре Невском и др. В их произведениях обозначился новый подход к истории, во многом противоположный «академическому». Если официальная наука интересовалась закономерностями общественного развития, то в новых версиях жизнеописаний на первый план выдвинулась человеческая личность.

Авторы не пренебрегали научными фактами — большинство произведений написано на основе исторических источников, — но одновременно они опирались на житийную литературу, достижения современной философской и богословской мысли, иногда прибегали к художественным приемам для создания образа. Так оформилась тенденция «обновления агиографического канона новыми научными и литературными средствами» (Г. Федотов). Внутри жанра «современной агиографии» наметились разновидности, обусловленные приоритетным интересом авторов к вопросам истории или богословия. На этом фоне книга Б.К. Зайцева выделилась как произведение преимущественно художественно-психологическое, имеющее не только познавательное, но и эстетическое значение.

Воссоздавая факты жизни Сергия, Б.К. Зайцев опирался не столько на древнерусский источник — житие Сергия, написанное его учеником Епифанием, сколько на более позднее жизнеописание, составленное иеромонахом Никоном (Рождественским), и историческое исследование проф. Е.Е. Голубинского (на которого автор биографии ссылается в примечаниях).

В книге Б.К. Зайцева прослеживаются все тенденции современной ему агиографии. С одной стороны, стремление к фактической достоверности и даже «научообразности» повлекло за собой включение в текст цитат из летописей и научных исследований, а также наличие примечаний и ссылок на исторические источники. С другой стороны, изображая святого Сергия, Б.К. Зайцев постоянно напоминает, что это реальный живой человек, только отдаленный от нас по времени. Автор пытается воссоздать его психологический и нравственный облик. Эти черты современного житийного повествования отличают его от древнерусского жития, которому принципиально чужд психологизм. Ведь в житии априорно утверждается духовное избранничество изображаемого героя, там не может быть роста, становления личности.